Л.А. Баширов

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ФЕНОМЕНОВ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Онтология в переводе с греческого, означает «сущее» + «слово» (учение, понятие), т. е. учение о бытие как таковом независимо от субъекта и его деятельности. В философии – это раздел, в котором излагаются фундаментальные принципы бытия, наиболее абстрагированные категории сущего[1].

Человеческое бытие есть онтологическая категория, т. е. качественная определенность, объединяющая в себе физическое начало (человек как высокоорганизованное животное) и духовное, «истинно человеческое» начало – его способность к мыслительной деятельности, к осмысленному труду. Последнее возможно только в рамках человеческой общности, коллектива (рода, племени, этноса) и только в диалектическом процессе преодоления незнания знанием. Поэтому «истинно человеческому» изначально свойственны этническое как принадлежность к определенной этнообщности и религиозное как иллюзорное, мистическое «домысливание» непознанного.

Не следует, однако, отождествлять понятия онтологичности религиозно-этнического начала в человеческой истории с антропологичностъю. Как известно, антропология – биологическая наука о происхождении и эволюции физической организации человека; она абстрагируется от особенностей жизнедеятельности человека как общественного существа. И хотя антропология включает в себя такие разделы, как этнография и этническая антропология, ее главное внимание сосредоточивается на биофизических особенностях рас и этносов. Антропологическое знание – это знание конкретной науки, в отличие от онтологии, относящейся к знанию уровня философского абстрагирования и обобщения.

В основе религиозного восприятия лежит вера в сверхъестественное: загробный мир, бессмертие души, предначертанность судьбы и др. Диалектика сверхъестественного и естественного тождественна диалектике непознанного и познанного: то, что вче-

[1] См.: Философская энциклопедия. Т. 4. М.,1967. С. 140.

ра представлялось сверхъестественным, сегодня перестало быть таковым, потому что получило научное объяснение, стало доступным для понимания, освоенным человеческим интеллектом. А в качестве сверхъестественного выступает уже другое – непонятное, необъяснимое, пугающее, настораживающее, что домысливается, мистифицируется, наполняется иным содержанием, иными представлениями, легендами, мифами, известными религиозными категориями – Бог, рай, ад, душа и т. д.

В философском смысле диалектика сверхъестественного и естественного сводится к категории снятия, означающей преобразование, в которой «наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем сохраняют, удерживают свое значение как подчиненные моменты новой целостности или системы»[1].

Гегель считал категорию снятия одной из главных в своей диалектической концепции развития. Заключая в себе момент отрицания, снятие не сводится к нему: снятие утверждает связь единства вещей и явлений, преодолевая метафизическую абсолютизацию противоречия. Снятие имеет «двоякий смысл: оно означает сберечь, сохранить и вместе с тем прекратить, положить конец»[2], – писал Гегель в «Феноменологии духа». Снятие, по Гегелю, всегда характеризует возникновение нового единства, более высокую ступень развития, устранение отжившего при сохранении качественной определенности предмета, явления.

Снятие определенного уровня незнания поднимает человека по ступеням культуры и цивилизации, но перед ним вновь и вновь вставали и встают новые преграды – новые «незнания», вечные как сам человеческий мир. Религия столь же онтологична по своей природе, как и стремление человека к познанию природы, постижению истины. Даже трезвое понимание человеком иллюзорной сущности религии, ее гносеологических, исторических, социально-психологических истоков не избавляет человеческое общество от воспроизводства религиозности в новых и новых поколениях.

Русский философ и политический деятель Б.Н. Чичерин, подчеркивая онтологическую природу религии и ее важнейшее значение в человеческой жизни, писал: «С первых времен человечества и до наших дней она (религия – *Л.Б.*) составляла духовную пищу

[1] Философскмй энциклопедический словарь. М., 1983. С. 619.

[2] Гегель Г.-В.-Ф. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1937. С. 99.

миллионов и миллионов людей. Она искони отвечала самым глубоким потребностям человеческой души. Без нее никогда не обходилось ни одно общество» и «не только в прошедшем, а равно и в настоящем, и в будущем религия должна сохранить свое высокое место в жизни людей. Одно положительное знание не в состоянии удовлетворить человека»[1].

Религиозный философ начала XX в. Б.П. Вышеславцев в своей работе «Философская нищета марксизма» писал, что «безрелигиозных культур, …не существует … Атеистическая цивилизация имеет свои ценности и связи. Проповедники атеистической цивилизации на самом деле являются пророками новой религии: об этом свидетельствует «религия человечества» Фейербаха и Огюста Конта, учеником и последователем которого был Карл Маркс со своей религией Коммунистического Коллектива»[2]. Э. Ренан утверждал, что религия является «…неотъемлемой частью человеческой природы»[3].

Англичанин Дж. Фрезер, француз Э. Бюрнуф и немец Л. Шеман в своих фундаментальных работах приблизительно в одно и то же время, в конце XIX в., окончательно доказали, что религия – это продукт жизнедеятельности этноса, но никак не наоборот. Упорядочивание данных археологии, антропологии, лингвистики и мифологии показали, что идеи Бога на всех этапах развития совершенствуются вместе с развитием этноса и проходят следующие стадии: фетишизм, анимизм, мифология и теология.

Чтобы дать объективный ответ на вопрос, являются ли религия и этнос онтологическими, сущностными качествами человека, следует поставить его несколько иначе: мог ли существовать человек вне общности себе подобных, и могло ли человеческое сознание развиваться вне религиозных верований? Безусловно, нет, ибо человек – существо мыслящее и коллективное изначально. А мыслит и сожительствует в коллективе себе подобных (сородичей, соплеменников, сограждан и т. п.) он сообразно тем представлениям (объективным или иллюзорным), которые приобрел сам, получил от предков или с помощью членов своей общности.

Утверждение обратного означало бы исключительно историчность категорий религиозности и этничности, т. е. признание су-

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1999. С. 18.

[2] *Вышеславцев Б.П.* Соч. М., 1995. С. 77.

[3] *Ренан Э.* Очерки по истории религии // Классики мирового религиоведения: Антология. Т. 1. М., 1996. С. 280.

ществования в прошлом безрелигиозных этносов, человеческого индивида вне этнообщности, а значит, возможность в будущем полного отмирания религии, религиозных верований и появления безнационального человека как чистого продукта социума.

Первое, как показывают научные изыскания, не получило подтверждения. «Наука о религии вправе на основании огромного этнографического материала категорически сказать, – писал исследователь первобытных религий, этнограф Л.Я. Штернберг, – что до настоящего времени не найдено ни одного племени, на каком бы низком уровне оно не стояло, которое не имело бы никаких религиозных представлений, которое не знало бы социальной организации, терминов родства, не имело бы сложной ткани обычаев и обрядов»[1].

Существуют ли теперь или существовали ли прежде племена людей, задается вопросом английский этнограф и историк Э. Тайлор, столь низкие по своей культуре, что у них не было никаких религиозных понятий? Практически это является, отмечает ученый, вопросом о всеобщности религии, вопросом, на который в течение стольких столетий отвечали то утвердительно, то отрицательно и в обоих случаях с уверенностью, представляющей резкий контраст с бедностью приводимых доказательств.

На основе анализа огромного количества материалов по антропологии и этнографии Э. Тайлор делает вывод: «Желательно было бы, впрочем, взять за основание наших исследований наблюдение, а не умозрительное заключение. Здесь, насколько я могу судить на основании громадной массы фактов, мы должны допустить, что верования в духовных существ обнаруживается у всех примитивных обществ, которые пришлось узнать ближе»[2].

Л.Я. Штернбергу и Э. Тайлору вторит современный ученый профессор истории Стокгольмского университета А. Хултkрантц: «Ранние эволюционисты думали, что в человеческой истории была начальная безрелигиозная фаза. Однако доказано, что это не так. Мы можем сказать, что некоторым группам людей, например племени маасаи в Кении, недостает веры в жизнь после смерти»[3]. Далее профессор отмечает, что некоторые из тех, кто изучает ре-

[1] *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936. С. 2.

[2] *Тайлор Э.Б.* Первобытная религия. М., 1989. С. 206.

[3] *Хултkрантц А.* Доисторические религии / Религии мира. Минск, 1994. С. 22.

лигию, полагают, что религиозное сознание возникло, когда появилось человечество[1].

Нет научных оснований утверждать и будущее отмирание религиозного и этнического в человеческом обществе. Философские постулаты марксизма-ленинизма о первичности материи, познаваемости мира, коммунистическом будущем, где якобы отомрут религии, а все народы (этносы) сольются в единую безнациональную общность – не более чем изобретения и проявления социологического эклектизма и политического авантюризма.

Человеческая история, история любого этноса – это история религиозная, т. е. нерелигиозных этносов в природе, как уже отмечалось, не было и нет. Но это вовсе не означает, что все сферы жизни этносов заполнены религией. Общественное сознание любого этноса включает в себя и определенный уровень знания (науки), культуры, искусства, права, морали, философии, религиозное присутствие в которых неабсолютно и опосредованно.

Судьбу этноса определяют многие факторы: биологический, географический (ландшафтный), климатический, биохимический, исторический, социально-экономический, религиозный, языковый, культурный и др. Причем в тот или иной исторический момент на общем фоне всех действующих факторов может выдвинуться один или несколько определяющих, способных качественно изменить дальнейший процесс жизнедеятельности этноса или обозначить его гибель.

Этнос – это не только социально-экономическая, но и прежде всего природная, биологическая категория. «Сама история, – писал К.Маркс, – является действительной частью истории природы, становления природы человека. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»[2].

Большой вклад в осмысление именно этого аспекта этногенеза сделал известный историк и географ Л. Н. Гумилев. «Этносы, – писал он, – всегда связаны с природным окружением благодаря активной хозяйственной деятельности. Последняя проявляется в двух направлениях: приспособление себя к ландшафту и ландшафта к себе»[3], каждый человек одновременно – член социума и член этноса, считал ученый.

---

[1] См.: *Хулткрантц А.* Доисторические религии / Религии мира. С. 22.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 124.

[3] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 58.

Суперидеологизаторское мышление уводило ученых от очень важной стороны проблемы – развития этноса в условиях определенного ландшафта, который оказывал огромное влияние на этническое формирование и который сам подвергался специфическому влиянию этноса. Люди кормились за счет природы, развивали виды деятельности, обусловленные природной спецификой, изменяли природу, изменяясь при этом сами.

Многие ценные идеи Л.Н. Гумилева не находили понимания и поддержки; вульгарно-социологизаторское толкование этноса послужило в конечном счете идейным оправданием пренебрежительного отношения к экологии и технократического беспредела.

А.Н. Гумилев отмечал, что все народы Земли «живут в ландшафтах за счет природы, но коль ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы, ибо как бы сильно они не видоизменяли ландшафт, путем ли создания антропогенного ландшафта или путем реконструкции флоры и фауны, людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той или иной территории, которую этнос либо заселяет либо контролирует»[1].

Ландшафт мог измениться за короткий срок по разным причинам: изменения в климате, землетрясения, лесные пожары, неумелое вмешательство человека во флору и фауну и многое другое. Перед этносом вставала дилемма: либо выживание в изменившихся условиях, либо миграция. Приспосабливаясь к новым условиям, народ рождал новые верования, которые накладывались на старые, переплетались с ними самым причудливым образом: гора, возникшая на месте исчезнувшего озера, могла приобрести значимость более сильного объекта верования, который «наказал» людей, «спрятав озеро», и потому люди в своих молитвах просили его вернуть им воду.

Даже мигрируя в другие условия, осваивая другие ландшафты, этнос уносил с собой, оберегал и старался приживить к новой действительности своих «родных» богов. Этим во многом объясняется такое обилие верований в мире, такая их непохожесть даже среди живущих по соседству этносов. Каждый из них прошел свой специфический путь в буквальном смысле, осваивая определенные ландшафты физически и духовно.

Сопряженно с этими вехами социального развития шли процессы этнического формирования (роды, племена, народы, на-

[1] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 172.

ции), а также формирования культовых сообществ, религиозных систем.

Генезис этнического (национального) самосознания и религиозного сознания отражает всю сложность человеческого бытия. Из всех социальных связей этнические и религиозные всегда были и остаются самыми консервативными.

С ростом знания, опыта, навыков слабеет сознание зависимости человека от сил природы, возрастает его локальная власть над ней, а также осознание социального оптимизма как относительной достаточности сил и возможностей человеческого общества для борьбы за лучшее существование; причем по мере накопления знаний религиозные представления об уже познанном уступают место умозрению. Но было бы неверно утверждать, что при этом сдает позиции религия как таковая: новые знания опровергают лишь те религиозные верования, предрассудки, которые обусловливались незнанием или недостаточно глубоким, недостаточно полным знанием. Новое знание открывает новые горизонты незнания, духовно компенсируемого обновленными верованиями, религиями.

Изучая историю католицизма, Ф. Энгельс верно подметил, что в средние века «в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией»[1], нельзя провести прямую корреляцию между той или другой конфессией и способом производства, общественно-экономической формацией.

Анализируя взаимоотношения между социальным строем, этносом и религией, Л.Я. Штернберг приводил интересные факты о богах первобытного общества, которые «сообразно своей антропоморфной природе...жили родами, племенами, и в каждой маленькой социальной группе имелись, как и у людей, выдающиеся индивиды, хозяева, которые играли господствующую роль среди своих божественных сородичей и такую же по отношению к покровительствуемым ими представителям человеческого рода»[2].

Л.Я. Штернберг, вовсе не разделявший взгляды своих современников К. Маркса и Ф. Энгельса, их, как он говорил, «экономического материализма», тем не менее признавал зависимость религиозных форм и представлений от форм социального строя,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 314.

[2] *Штернберг Л.Я.* Анимизм. / Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Под ред. и с предисл. Я.П. Алькора. Л., 1936. С. 235.

но при этом никогда не доходил до утверждения об определяющей роли экономики в образовании этнорелигиозных форм.

Утверждение о внеисторичности влияния религии на социальный организм носит статистический, а не динамический характер: человеческое сообщество всегда было и будет религиозным, но это вовсе не означает, что каждый член этого сообщества считает себя или является фактически приверженцем конкретной конфессии.

«...Религия, – писал К. Маркс, – есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»[1]. Современные марксисты толкуют обретение человеком самого себя как осознание им своего классового, политического, национального, культурного «Я», что побуждает «преодолевать порабощающие его рамки превратного осознания своего бытия и иллюзорного самочувствия»[2]. Другими словами, только осознав себя в одной из реальных, (а не «иллюзорной») ипостасей – классовой, национальной, политической и т. п., – человек вместе с тем начинает преодолевать религиозный образ жизни, мысли и чувства.

Опыт советской жизни доказал некорректность такой постановки вопроса: религиозность не находится в прямой зависимости ни от одного из вышеперечисленных факторов. Социологические исследования много раз подтверждали, что даже в периоды самого активного внедрения атеизма общество не становилось таковым, а верующие были среди коммунистов всех национальностей и социальных групп.

Думается, что «обретение человеком самого себя» связано с постижением прежде всего внутренней нравственной гармонии, которая может быть достигнута в условиях гармонии межнациональных, межконфессиональных, межличностных, межгосударственных отношений, дающих человеку возможность самосовершенствования. По мере самосовершенствования индивида «превратное сознание» одного типа уступает место другому, поначалу менее «превратному», но постепенно превращающемуся в свою противоположность.

Человек, обретший самого себя, живет в мире с собой (собственной совестью) и людьми (обществом). Нарушение этого мира ставит человека в экстремальное положение – от активного борца

[1] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

[2] *Минкявичюс Я.В.* Католицизм и нация. М., 1971. С. 27.

до пассивной жертвы. Религия всегда будет влиять на эту диалектику человеческого бытия. Но онтологическая природа религиозности не означает, что все люди были, есть и будут приверженцами той или другой религии.

Атеизм зародился вместе с религией как протест человека против собственного страха, слабости, зависимости от природы и обстоятельств. Атеисты были и в древности, и в Средние века, когда убеждения такого рода вели смельчаков на костры, и в последующие эпохи вплоть до современности.

Атеизм различного толка оказывал на судьбы этносов не меньшее влияние, чем столь же разноликий теизм. Мистический атеизм Средневековья был представлен гностицизмом, в основе которого были мистические учения о знании, достигаемом путем откровения и указывающим человеку путь к спасению. Причем путь этот гностики видели в аскетическом образе жизни и философском познании, поэтому создавали аскетические союзы, философские школы, религиозные общины, другими словами, религиозно-философские секты.

Особой бескомпромиссностью отличался атеизм большевистского толка, массовое следование которому уничтожило в России и других республиках дезинтегрированного СССР не только церкви, мечети, синагоги и дацаны, но целые пласты этнической цивилизации.

Коммунистический атеизм, заявляя борьбу с религией как «опиумом народа», не опровергал и не был способен опровергнуть главного – онтологической сущности религии. Его позиция была откровенно идеологической, служащей использованию религии и ее институтов в политических целях. Последнее, безусловно, имело и имеет место не только в России. Это не меняет онтологической природы религии в человеческом обществе: как и этническая принадлежность, религия органически присуща человеку – это необходимые условия его выживания.

При всех немалых достижениях науки современный человек обладает весьма поверхностными знаниями о самом себе, намного меньшими, чем собственной истории. «Мы еще не создали, – писал выдающийся советский физик и математик Б.Рауншебах, – науку, в совокупности изучающую человека, его жизнь и связь с Природой»[1]. Достаточно сказать, что секрет происхождения созна-

[1] *Рауншебах Б.* Из книги «Праздные мысли» // Общая газета. 2002. 17–23 янв. № 3.

ния, мысли, мозговой организации и мыслительной деятельности до сих пор не раскрыт.

«Сегодня все основные религии мира – католицизм, православие, иудаизм, ислам – раздираются между двумя противоположными взглядами, считает профессор А. Рикарди*. Первый – универсалистского характера. Второй – националистского. Мы, конечно же, сторонники первого: любая религия должна нести веру во что-то общее, в то, что дорого всем людям на земле»[1].

Религия – религиозное сознание, религиозные отношения, религиозные культы и религиозные институты (организации) – постоянно изменяется во всех своих проявлениях и на каждом историческом этапе: возникают новые верования, отмирают или поглощаются другими верованиями устаревшие; каждое новое поколение верующих заново прочитывает и по-новому толкует древние и, кажется, застывшие в своей неизменности религиозные источники – Библию, Коран и др.

Религия как форма общественного сознания и соответствующего стиля бытия не может не быть диалектичной – изменяющейся, многообразной. Но в отличие от науки, религия консервативна, и ее постулаты не требуют доказательств. На каждом временном этапе религия проявляет тенденцию к закреплению своего состояния именно на уровне конкретного момента. Стимулом движения (изменения, развития) религиозного сознания всегда выступают наука и социальная практика, точнее, наука, идущая в авангарде социального сознания и бытия.

Наука и религия – две различные области духовной жизни. Наука ориентируется на то, что постижимо с помощью человеческого разума и опыта. Религия апеллирует к тому, что превосходит разум и не может быть проверено опытом. Эти разные способы человеческой деятельности, хотя они и соприкасаются во многих точках. «Это соприкосновение, – пишет член-корреспондент РАН П. Гайденко, – происходит там, где наука подходит к границам, которые при сегодняшних знаниях вряд ли можно преодолеть, и ставит вопросы о возникновения мира и человека. Это самые «главные», фундаментальные вопросы, отмечает ученый, труднее всего поддаются осмыслению. Оказавшись перед недоступным барьером, многие ученые обращаются к религии… В Бога верили такие ве-

[1] Цит. по: Новая газета. 1997. 12 мая. С. 8.

* Рикарди Андре – основатель и лидер общины святой Эгидии в Риме, призывающий и работающий во имя всемирного гуманизма.

ликие ученые, как Декарт (он считал Всевышнего великим механиком), Ньютон (гордился своими богословскими работами больше, чем физическими), Эйлер, Кювье, Дарвин, Павлов…»[1]. Этот список можно продолжить именами физика М. Планк, основателя генетики Ф. Коллинза и др.

Научный прогресс стимулирует модернизацию религии, которая вынуждена приспосабливаться к новому уровню научного мышления в обществе, вникать в сущность новых научных открытий, представлять новые толкования религиозных источников (положений Библии, Корана и др.), основанные на современных представлениях об окружающем мире и, что очень важно, отказываться от элементов реакционности и мракобесия, сохранившихся от прошлых времен.

В связи с этим следует обратить внимание на два момента: во-первых, на специфику взаимоотношений между наукой и модернизирующейся религией; и, во-вторых, на соотношение науки, религиозного фундаментализма и этносом (нацией).

Процесс модернизации, даже в рамках одной религии, в разных странах происходит по-разному: более активно там, где светский элемент общественной жизни достаточно развит и противостоит религиозному сознанию открыто и смело; менее активно там, где религиозное сознание является господствующим, а светский элемент очень слабым. В последнем случае любую попытку модернизации религии, т. е. ее адаптирование к современным верующим более цивилизованных стран, единоверцы воспринимают как попытку размывания их веры под чужим влиянием, как предательство родной веры и нации. Отсюда движение за возвращение к ее истокам – формам культа, доктринам и институтам, которые уводят в прошлое, несовместимы с современной цивилизацией, воспринимаются народами как ретроградство. Такое движение известно как радикальный христианский и исламский фундаментализм.

Таким образом, религиозный фундаментализм и религиозный модернизм характеризуют состояние этноса с точки зрения этногенеза (этапа его внутреннего развития) и с точки зрения социума, т. е. уровня социально-экономического, политического, культурного, цивилизационного развития. Сформировавшийся этнос,

[1] *Гайденко П.* Наука и религия должны избегать друг друга // Известия. 2002. 25 янв.

достигший высокого уровня цивилизованности и культуры, проявляет терпимость, и даже интерес, к процессу модернизации «традиционных» религий, появлению новых религий, соответствующих современному мировоззрению. Другое дело, когда этнос переживает стадию пробуждения этнонационального самосознания или возрождения сознания былого величия этноса, составлявшего в прошлом ядро национальной империи, но изжившего себя как этнос-метрополия.

В любом случае социальная роль религиозного фундаментализма в том, чтобы сплотить этнос для борьбы за «место под солнцем» в современной реальности: либо за создание собственного национального государства, либо за воссоздание былого великого государства с главенствующей ролью в нем своего этноса.

Отставание от более цивилизованных единоверцев и невозможность за короткий срок наверстать упущенное диктует весьма простое решение: объединение на идейной основе фундаментальных религиозных постулатов, духовно ограждающей этнос от иноэтнического влияния; организационное сплочение единомышленников-единоверцев для активного и всемерного (в том числе, насильственного) расширения своего влияния. Причем агрессивность религиозных фундаменталистов тем сильнее, чем менее эффективными оказываются их усилия.

Все это объясняет тот факт, что исламский фундаментализм наиболее ярко проявился в арабских странах, а христианский фундаментализм – в Северной Ирландии, Англии и начинает себя проявлять в реформируемой России. Выразителями радикального религиозного фундаментализма выступают обычно националистически мыслящие политики, теологи, патриотически настроенная молодежь, которая использует для скорейшего увеличения числа своих сторонников все методы вплоть до религиозно-политического терроризма.

Однако не следует забывать, что религиозно-политические выступления радикальных фундаменталистов, даже в форме религиозно-фанатического терроризма, таят в себе не столько религиозно-этнические, сколько этнополитические причины, связанные с ущемлением прав и свобод определенного этноса, неравноправным положением его среди других народов или болезненной утратой былого главенствующего положения в распавшейся империи.

ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ